

## II.

## РУСАЛКА.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ,  
Спасался нѣкогда монахъ,  
Всегда въ заняшяхъ суровыхъ,  
Въ постѣ, молившѣ и шрудахъ.  
Уже лопашкою смиренной  
Себѣ могилу спарець рыль,  
И лишь о смерти вождельной  
Свяшыхъ угодниковъ молилъ.

Однажды льпомъ у порогу  
Поникшей хижины своей  
Анахоретъ молился Богу.  
Дубравы дѣлались чернѣй;  
Туманъ надъ озеромъ дымился,  
И красный мѣсяцъ въ облакахъ  
Тихонько по небу кашился.  
На воды спалъ глядѣшь монахъ.

Глядишь, невольно страха полный;  
Не можешь самъ себя понять...  
И видишь: закипѣли волны,  
И присмирѣли вдругъ опять...  
И вдругъ... легка, какъ пѣнь ночная,  
Бѣла, какъ раннѣй снѣгъ холмовъ,  
Выходишь женщина нагая,  
И молча съла у береговъ.

Глядишь на спараго монаха  
И чешешь влажные волосы.  
Свяшой монахъ дрожишь со спраха  
И смопришь на ея красы.  
Она манишь его рукою,  
Киваетъ быспро головой...  
И вдругъ падучею звѣздою  
Подъ сонной скрылася волной.

Всю ночь не спалъ спарикъ угрюмой  
И не молился цѣлый день :  
Передъ собой съ невольной думой  
Все видѣлъ чудной дѣвы пѣнь.  
Дубравы вновь одѣлись шмою ;  
Пошла по облакамъ луна,  
И снова дѣва надъ водою  
Сидишь, прелесшна и блѣдна.

Глядишь , киваешь головою ,  
Цѣлуешь издали шупя ,  
Играешь , плещешься волною ,  
Хохочешь , плачешь , какъ дитя ,  
Зовешь монаха , нѣжно спонешь...  
« Монахъ , монахъ ! Ко мнѣ , ко мнѣ !...  
И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ шонешь :  
И все въ глубокой пишинѣ .

На прешій день опшельникъ спраспной  
Близъ очарованныхъ береговъ  
Сидѣль и дѣвы ждалъ прекрасной ,  
А шѣнь ложилась средь дубровъ...  
Заря прогнала шму ночную :  
Монаха не нашли нигдѣ ,  
И шолько бороду сѣдую  
Мальчишки видѣли въ водѣ .